

Евгений Шалашов
Владимир Зингер

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
Ш18

Серия «Попаданец»
Выпуск 178

Иллюстрация на обложке *Михаила Федулова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

**Шалашов, Евгений
Зингер, Владимир**

Ш18 Убей-городок: роман / Евгений Шалашов, Владимир
Зингер. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом
«Ленинград», 2024. — 448 с. — (Попаданец).

ISBN 978-5-17-166178-6

Говорят, что у кошки девять жизней. А сколько будет у него?

Первая и, как он опрометчиво считал, единственная жизнь
Алексея Воронцова сложилась успешно. Крепкая семья, любящая
жена и замечательные дети, почетная отставка в звании полковника
милиции — что еще нужно для спокойной старости? Но, как извест-
но, бывших ментов не бывает. Однажды он не смог пройти мимо.

Вторую жизнь ему подарили... нет, навязали, ибо он ни о чем
таком не просил. Он снова младший лейтенант милиции, участковый
инспектор. Город Череповец образца 1976 года — почти глухая про-
винция, если бы не металлургический завод.

И что теперь? Спасать мир, давать советы стареющему генсеку,
как положено в таких случаях другим попаданцам? Спустись на зем-
лю, тебя даже к председателю райисполкома так просто не пустят.
Тогда что, исправлять прошлые ошибки? А какие? И возможно ли
это? Вопросы, вопросы, вопросы...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

© Евгений Шалашов, 2024
© Владимир Зингер, 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2024

ISBN 978-5-17-166178-6

Часть первая

РАБОТА НАД ОШИБКАМИ

Глава первая

ЭТО НЕ ПО-МУШКЕТЕРСКИ

Как там старая заповедь? Можешь справиться — задерживай. Не можешь — ищи другой способ победить.

Как там теперь вызывать полицию? Сто двенадцать? «Вы позвонили на многоканальную горячую линию. Вам ответит первый освободившийся оператор». Та-а-ак, тут, походу, не дожидаться. Оператор не только первый, но, видимо, и единственный. Эх, куда ты, дурень? Семерых не удержишь, да и не справишься.

А надо.

Эй, ребята, отдохните! Вон как умудохались! Да и этого дружка своего поберегите. Убьете — не на ком тренироваться будет! Какой я вам дед? Мы вообще не знакомы, не то что не родственники. Давайте поднимем Гошу-то, а то он, похоже, не дышит. Почему Гошу? Так все манекены, на которых тренируются, Гошами зовут.

Опа, как горячо! Только бы не печень. Второго проникающего она не переживет.

Темнота.

***

На зарядку, на зарядку,
На зарядку, на зарядку становись!

Да что же ты, японский городской! Голова и так ноет, а тут музыка орет. Ну вот, кто-то любит послушать ретро-мелодии. Входят в моду пионерские песни?

Здравствуйте, ребята!
Слушайте пионерскую зорьку!

И что, есть любители не только ретро-музыки, но и ретро-передач? Даже не знал, что старые записи сохраняются. Кажется, их тогда даже и не записывали, а если и записывали, то на огромных бобинах, которые никто не станет оцифровывать. Ну, неважно. Но помню, что «Пионерскую зорьку» транслировали в семь часов сорок минут.

А где это я? Кто здесь рядышком — звук аж по ушам бьет! — такой любитель ретро?

Открыл глаза. Судя по белым казенным стенам, а еще койкам, наставленным там и тут, в больнице. И штампика на простынях характерные.

Живой. И это радует.

И вот какого хрена на старости лет полез спасать какого-то «Гошу»? Может, он сам и напросился? Но все равно, когда несколько человек бьют лежачего, это не есть гут. Не вмешался бы, так и себя бы перестал уважать.

Хотя почему это на старости лет? Шестьдесят пять — это еще не старость. Смешно, конечно, что полковник милиции (ладно, полковник в отставке), орденосец и все такое полез разнимать драку. И вот, подрезали, как стажера. А скоро должен опер прийти, станет выяснять: кого я запомнил, что слышал? «Плохо, что никого опознать не сможете. И того, кто сзади вас был, нанес проникающее ножевое ранение? Совсем плохо. А может, это какие-нибудь враги, которые затаили на вас злобу? Фамилии-то не назовете?» Так я в ментовке уже тринадцать лет как не служу. Все мои бывшие вра-

ги либо умерли, либо уже давным-давно плюнули и на меня, и на свое прошлое.

Ну ничего не меняется в этой жизни! Могли бы меня и в более приличное место отвезти. Уж должны бы беспокоиться. Ладно, я бы и сам мог отдельную палату оплатить, не такой уж я бедный, пусть и пенсионер. Вот как опера дождусь, попрошу у администрации, чтобы перевели. Надеюсь, мои несостоявшиеся убийцы банковскую карту не увели? Надо бы выяснить. Может, стоит ее заблокировать? А где мой сотовый? Скорее всего, там же, где и прочие вещи, потому что лежу я в больничной пижаме.

Да, а супруге-то сообщили? Вот ведь какая невезуха. Старший сын как раз в отпуск приехал. Старшенький у меня служит на Сахалине, полковник, повышение недавно получил. Может, еще и генералом станет? А что уж совсем удачно, внук получил отпуск. Этот ведь тоже при погонах, лейтенант, за него-то особенно переживаем. А почему? Ну, потому что служит он...

Бабушка обрадовалась, а тут такое. Дед загремел в больницу. Ладно бы как приличный дед, с инфарктом, там, еще с чем-то, а тут как не знаю кто. Семья теперь переживать станет. Вот ведь... Сам-то ладно: коли живой, то переживу. А им-то каково?

Нет, определенно, хоть и показывают по ящику, как идет у нас развитие медицины, но все на прежнем уровне. Вон от левой руки трубочка идет, стало быть, я под капельницей. А из чего каплют-то? Ох ты, здоровенная стеклянная бутылка. Каменный век, блин. А ведь показывают, что уже либо пластиковые бутылки, либо вообще пластиковые пакеты. И установка для прокапывания — или как оно правильно? — неуклюжая, словно из фильма про семидесятые годы.

Кажется, в семьдесят шестом году, когда я попал в больницу с проникающим ножевым ранением, тоже лежал под капельницей. Но тут-то ничего нового не при-

думать. Вот разве что слышал, что нынче едва ли не сразу заставляют сходить с операционного стола и гулять по коридору. Нет, я гулять еще не в состоянии.

Сотоварищи по несчастью лежат, смотрят вверх. Не иначе, слушают рассказ о пионере, который сегодня опоздал в школу, зато помог старенькой бабушке дойти до больницы. В тему. Наверное, главврач — ценитель ретро, потому что звуки детской передачи льются из черного радиоприемника на стене. Внутрибольничная сеть? Есть радиоузел, дают записи? Все может быть. Но налаживать трансляции давно канувших в небытие радиопередач — штука недешевая.

А ведь память подсказывает, что все это уже было. И больничная койка, и «Пионерская зорька», под которую я очнулся.

Нет, определенно, главврач увлекся ретро. Вон приемник уже выдает обзор газеты «Правда». Кто-то кого-то встретил, поприветствовал. Ну кому нужны такие древние новости, да еще в повторе?

И коек в семьдесят шестом было шесть. Посчитать, что ли? Да, шесть. Лежат такие же бедолаги, вроде меня.

В правом боку ноет, голова еще соображает плохо. Глаза толком не сфокусировались, но, помнится, на потолке из семьдесят шестого года была трещина, напоминавшая слияние реки Шексны и реки Ягорбы. Если присмотрюсь и увижу эту самую трещину, точно глюк.

Трещина на месте. Глюк? Раздвоение личности? Шизофрения? Или я в настоящий момент просто умираю и мне мерещатся всякие вещи, которые со мной когда-то происходили? Вот если сейчас рядом со мной появится некий человек, тогда я умер. Или в процессе, но это уже неважно.

— Привет, дружище. Пить, небось, хочешь? Ну, давай-ка я тебя напою.

Точно, умер.

Рядом со мной стоял мой наставник — дядя Петя Веревкин, хотя на самом-то деле это капитан милиции Петр Васильевич Задоров, а Веревкиным его прозвали за умение виртуозно «упаковывать» нарушителей закона. Бывало и так, что дядя Петя приводил в отделение несколько человек, связанных веревками, и вел их по городу, словно бедуин верблюдов. Петр Васильевич «пристрастился» к веревкам еще в войну, на которую попал почти мальчишкой — в восемнадцать лет. И всю войну отбарабанил в разведке. А чем ты будешь языка вязать? Наручников разведке никто не давал (у нас, впрочем, тоже о наручниках только слышали), а веревка — она всегда под рукой. В крайнем случае можно что-то другое приспособить.

После войны дядя Петя еще два года служил на Западной Украине, выкуривал из схронов «бандерлогов», а уже потом пришел в милицию. Награды носить не любил, но на День Победы все-таки их надевал. Два ордена Славы, два — Красной Звезды (один за бандеровцев), «Отечественная война» первой и второй степеней, целый иконостас медалей.

Про войну дядя Петя рассказывать не любил. Да и кто из настоящих фронтовиков об этом рассказывал? Вон мой родной дядька, который до Берлина дошел, на все вопросы отвечал просто: «Пшел ты...» Направление давал очень конкретное, куда идти.

В году так сорок восьмом бывший разведчик вернулся домой. Обнаружив, что его дом попал под затопление и лежит теперь на дне Рыбинского водохранилища, а родители перебрались в город, подался сначала на стройку, но там не понравилось. Понять парня можно: разучился жить на гражданке. А тут как раз пригласили работать в милицию. Лет с десятков отбарабанил простым патрульным, но город рос, людей не хватало, поэтому бывшему разведчику предложили стать участковым инспектором.

С дядей Петей боялись связываться самые отпетые хулиганы в любой стадии опьянения. Даже цыгане, ни в грош не ставившие никакую власть, способные отмудохать кнутом инспектора уголовного розыска (ищи их потом по всей стране), при виде невысокого худощавого капитана предпочитали сплюнуть и убраться куда-нибудь подальше. Понимали: если вытащат кнут, так будут тем же кнутом и биты, а потом им и повязаны.

Петр Васильевич был едва ли не «последним из могокан». Нет, кое-кто из фронтовиков имелся, но на более высоких должностях и при погонах не ниже полковничьих. Тот же министр Щелоков, или наш начальник горотдела подполковник Горюнов, участвовавший в высадке десанта на Южном Сахалине.

Министр наш, увы, закончил плохо, но эта история всем известна. Хотя Николай Анисимович очень много сделал для органов внутренних дел. В сущности, восстановил милицию после ударов, нанесенных Хрущевым. Воссоздал школы милиции для подготовки среднего начсостава, создал высшие школы. Даже фильмы, которые до сих пор все смотрят с огромным интересом, снимались по его заказу. Те же «Рожденные революцией», «Следствие ведут знатоки».

А с Владимиром Васильевичем Горюновым мы виделись в году так девяносто пятом. Помнится, разговор зашел о фильме «Место встречи изменить нельзя». До сих пор не забуду фразу, которую сказал Горюнов: «Будь у меня такой подчиненный, как Глеб Жеглов, уволил бы сразу, как только о подкинутом кошельке бы узнал». Владимир Васильевич умер в две тысячи втором году, успев получить звание полковника. Да, в двухтысячном был приказ министра внутренних дел о присвоении очередных воинских званий ветеранам войны. Помню, как старички радовались. В шестидесятые и семидесятые годы, когда ветераны уходили со службы, мало кто из них имел даже звание майора. Все больше капитаны, а то и старлеи.

А наш дядя Петя уже лет пятнадцать как застрял в капитанах, потому что для должности старшего участкового это потолок. А поставить на другую, присвоить майора, не позволяет его образование, потому что у старшего участкового нет даже четырех классов. Это в фильмах про полковника Зорина можно было дослужиться до полковника, не имея среднего образования, а у нас — нет, не выйдет.

Петр Васильевич многому научил меня тогда. Это он первым привил привычку никогда не стоять перед дверью, и она потом много раз выручала меня. Смешно, но я, даже идя в гости к друзьям, после звонка всегда становился сбоку от двери — правило впиталось навсегда. Это он заставлял меня всегда таскать веревку в кармане — «на всякий случай» — и научил нескольким хитрым узлам, чтобы одним движением захлестнуть петлю на запястьях очередного нарушителя. И правильно разговаривать с жуликами тоже он научил. Ну конечно, не только он. Сама жизнь учила, да и другие коллеги. Только другие-то иногда обидно это делали, а у дяди Пети получалось душевно. И погасить семейный скандал так, чтобы обе враждующие стороны ему еще и спасибо сказали, мог только он. У других участковых так не получалось. У меня, признаюсь, тоже.

В семьдесят шестом наставник казался мне едва ли не глубоким стариком. А сколько тогда ему было? Пятьдесят три года. Всего-то? Так я сам ушел «на дембель» в пятьдесят два, а потом еще лет с десятков обеспечивал безопасность крупного бизнеса, как и большинство коллег-ветеранов, не сгоревших дотла еще в служебные годы. Но таких, чтобы здоровых и относительно целых, осталось немного. Какая там работа? Хорошо, что пенсия более-менее приличная.

— Алексей, ты пока резких движений не делай. В пень меня не кололи, но в другую часть тела бывало. Ни-

чего, парень ты молодой, заживет как на собаке. Ну-ка, поднимай голову, еще немножко пивни.

Замечательный человек Петр Васильевич, но вот беда — не должно его быть в этой больнице. После своего увольнения со службы, а было это... в семьдесят девятом году, прожил он недолго и умер в разгар Олимпиады-80. А я как раз в ту пору был в Москве — на усилении, так сказать. Обидно, что даже на похороны своего наставника прийти не сумел. А может, и правильно. Чего и ходить-то, если мы с ним тут встретились? Авось дядя Петя, который вводил меня в тонкости службы участковых инспекторов, поделится тайнами загробного существования.

Но руки теплые, ладони жесткие. Не похож мой наставник ни на покойника, ни на призрака.

А Петр Васильевич уже успел развернуть бурную деятельность. Открыв мою тумбочку, деловито сложил в нее бритву, зубную щетку и коробку. Так, а коробка-то с чем? Неужели с зубным порошком? Хорошенькая загробная жизнь у ментов: и тут-то не смогли хотя бы зубную пасту организовать. Имеется же в продаже зубная паста, тот же «Поморин». Ладно, порошок тоже сойдет. Вспомню золотое детство и пионерский лагерь.

— Ты уж извини, что я у тебя в комнате похозяйничал, — повинился дядя Петя. — Но как услышал, что ты ранен, но вроде живой, так вначале в общежитие твое побежал, чтобы кое-что подсобрать. Бельишко тебе прихватил, чтобы трусы свои, а не казенные, майку. При ранениях чистое белье — первое дело. Твое-то ведь все в крови нынче, да еще и изымут небось, как вещдок. Рубашку и прочее я потом принесу. Вот кружка тебе нужна. По своему опыту знаю, что в госпитале или в больнице с этим беда. Ну, ложки с мисками тут к завтракам и обедам дают.

Сделав усилие (все-таки не каждый день разговариваешь с покойником), я спросил:

— А я давно здесь?

— Так вторые сутки. К тебе вчера Женька Митрофанов приходил, показания хотел взять, но ты еще без сознания был. Женька до врача (ты же его знаешь, дуrolома, потребовал, чтобы тебя в чувство привели), а врач только плечиками пожимает: мол, все так и должно быть, была операция, отдыхает.

Хм... Женька Митрофанов (ну, давным-давно Евгений Матвеевич) звонил на днях, на рыбалку звал. Говорит, щука плавает во-о-от такенная, карась сам на крючок бросается! Но не любитель я рыбной ловли. Если бы за грибами, то сходил. Да и не выпить мне столько, сколько Жека выпьет. А он ведь еще и постарше меня лет на пять. Когда я участковым стал, получил первую звездочку на погон, он уже в старлеях ходил. Очень любил говорить, подражая Папанову: «Лэйтенант я, старшой».

Нет, если бы Джексон умер, я бы о том знал. Как-никак в одной ветеранской организации состоим. У него, правда, звезд на погонах поменьше, чем у меня, майором ушел, но все равно избран в Совет ветеранов. Как раз занимается организацией досуга. Эх, представляю, как он там досуг организует. Надеюсь, пустую посуду вывозят, не захламляют берег водохранилища?

Я помолчал, уставившись в потолок.

— Я тут тебе апельсинов принес и курятины, — сообщил дядя Петя. Вздыхнув, мой бывший наставник добавил: — Когда курить-то бросишь? Это ж каждый месяц кучу денег на ветер пускаешь, да и вообще...

Сам дядя Петя до войны курил, но как стал разведчиком, то бросил. Оно и понятно: приходилось часами сидеть ждать, а запах дыма мог выдать лежбище разведчиков. Вот это вот его «и вообще» означало — а вдруг придется сидеть в засаде? Курильщики мучаются и порой не выдерживают. Мы не полковые разведчики, но и нам иной раз в засаде сидеть приходится. А я сам ку-

рил как паровоз еще со школы, но бросил. Когда я бросил-то? Так уж лет десять прошло. Но если я не сошел с ума, не умер, то получается, что брошу... То есть предстоит завязать с пагубной привычкой. А через сколько лет? Да через тридцать с хвостиком и брошу.

А может, прямо сейчас взять да и бросить? Прислушался к себе. Кажется, курить не особо и хочется. Да что там, совсем не хочу. Как говорил мне врач, помогавший бросать, все у нас в голове.

— Петр Васильевич, а если я прямо сейчас возьму да и брошу?

Если я не умер, а перенесся в прошлое, о чем много раз читал у фантастов, то хоть какая-то польза. Здоровье ладно — кто им по молодости озаботится? А вот по днягам точно проруха. Сколько пачка сигарет стоила? Или стоит? «Прима» подешевле, «Памир» (его еще называли «Нищий в горах») совсем дешево. А я в те годы курил «Столичные». Сколько они стоили? То есть стоят?

Глава вторая

ЯВЛЕНИЕ ДЖЕКСОНА

Общение с дядей Петей меня утомило, и захотелось немного вздремнуть, но не тут-то было. В палату ввалился жизнерадостный инспектор уголовного розыска и по совместительству мой сослуживец Евгений Митрофанов, между своими — Джексон. Пышущая здоровьем физиономия и рот до ушей никак не соответствовали моменту, но сыщик сумел объяснить причину своей радости.

— Наконец-то! — с порога громогласно объявил он. — А то все доктора: «Нельзя, нельзя! Больной в тяжелом состоянии». А теперь говорят: «Кризис миновал. Можно поговорить, но сильно не волновать!» Так мы

волновать-то никого и не будем, ни больных, ни врачей, верно ведь, Леха?

Я не успел ничего ответить, но это, видимо, и не требовалось.

Сыщик осмотрелся, обнаружил моего наставника, сильно удивился и произнес:

— Здрасьте, Петр Васильевич! Вот оно, значит, как: меня не пускают, а вы тут свободно разгуливаете. Так и взяли бы заодно объяснение с Воронцова, что да как. А то я уже полдня убил, чтобы прорваться.

Дядя Петя претензию не принял:

— Я тут, дружок, по другим делам. А ты лучше свою работу делай и не учи ученого.

Про «не учи ученого» из уст дяди Пети, «академиев» не кончавшего, было слышать особенно прикольно, но его это не волновало. Так отшить он мог не только какого-то опера, но подчас и начальника. И то, через его руки прошли многие, кто сегодня носил большие звезды.

Я решил защитить «шефа»:

— Петр Васильевич мне манатки кой-какие принес, спасибо ему.

А Митрофанов и не слушал.

— Ну, старик, ты всех удивил! — это он мне. — К тебе тут пару часов назад следователь прокуратуры пробился. Как уж у него это получилось, не знаю. А ты, видимо, еще не в себе был и такого наборонил ему, что мама не горюй. Вот он и сказал, что больше к тебе не поедет, и пусть, дескать, тебя твои коллеги опрашивают, а он уж потом решит, что делать.

Ничего такого я не помнил. Первым человеком, отобразившимся в моем сознании, был дядя Петя в образе то ли ангела, то ли привратника Петра. И никаких следователей прокуратуры.

Но тут в разговор встрял кто-то справа, видимо, мой сосед по палате, по голосу старик:

— Вот и я говорю, слышь, гражданин начальник...